

МОЛОДЕЖЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА

Еще не так давно при слове „Вхутемас“ у нас возникало представление о чем-то взбаламученном и „вулканическом“, о художественной школе, в которой больше спорят, чем работают, о художественной молодежи, которая приветствовала В. И. Ленина во время его посещения общежития вхутемасовцев градом ком-футуристических фраз и которая все же, кстати сказать, заслужила с его стороны справедливую оценку „славных ребят“. Эти годы учебной анархии, мучительных педагогических экспериментов и внутришкольной борьбы уже позади. Наш художественный вуз (теперь Высший художественно-технический институт — Вхутеин) вышел из этих „вулканических“ лет окрепшим, с установившимися структурой и учебными планами.

Показанные в 1928 г. две большие отчетные выставки Вхутеина, а затем выставка дипломных работ скульптурного и живописного факультетов, свидетельствуют о несомненно поступательном его движении — об углублении его учебно-академической работы и вместе с тем о все более тесной практической „увязке“ его с жизнью. Вхутеин готовит не „свободных художников“ богемного типа, как это делалось в большинстве случаев до революции, а всесторонне образованных и высококвалифицированных художников-профессионалов, могущих стать общественно-полезными работниками советской страны. В этом отношении характерными отличиями Вхутеина от прежней школы являются две черты. Во-первых, наличие в нем не только „чистого искусства“, но и производственных факультетов, готовящих художников специалистов полиграфической, текстильной, керамической, дерево- и металлообрабатывающей промышленности. И, во-вторых, естественное для нашей эпохи стремление связать искусство с каким-то, пусть еще не твердо найденными, но все же научными методами. Таково новое „основное“ отделение Вхутеина, являющееся обязательным первым курсом для всего его студенчества и дающее ему формальные основы всех пространственных искусств еще до момента его специализации.

Скульптурный факультет окончило в этом году девять человек, из которых один удостоен заграничной командировки (Виленский) и двое — похвальных отзывов (Мазурин — за статую „Крестьянка“ и Симанович — за „Текстильщицу“). В работах этих есть пластическое искусство и четкость рисунка. Из остальных работ следует упомянуть выразительную, хотя и слишком утрированную по своим объемам „Текстильщицу“ Урина, „Физкультурницу“ Павлова, отличную головку китайки Хренниковой и ее же, также как и Замберг, революционные группы „Восстание“ и „Призыв комсомола“ (группы, в которых есть внутренняя выразительность, но при недостаточной еще композиционной спайке). Упомяну также проект памятника жертвам болгарской революции работы студента Валева.

Как видит читатель, эти дипломные работы по своей тематике связаны с современностью: это не античные боги или былинные герои, вдохновлявшие прежнюю академическую скульптуру, а герои нашего времени — рабочие и работники. Все эти работы задуманы с совершенно определенным „целевым“ назначением. Революционные группы Замберг и Хренниковой — для площадки перед Институтом Ленина, большинство же остальных работ — для сада и фойе вновь строящегося большого клуба текстильщиков („Октябрьская революция“). И, однако, работы эти после выставки ожидают слом. Почему? Потому ли, что они очень плохи? Нет, как эскизы, как проекты они вовсе не плохи, а просто нет места для их представления их во Вхутеине. Конечно, группу Валева — памятник болгарским революционерам — пришлось бы еще хранить до того времени, когда его можно будет воздвигнуть на площади в Софии. Но остальные работы задуманы ведь не для будущей столицы болгарского пролетариата, а для сегодняшней столицы СССР. Вот тут-то мы и натываемся на кардинальный для жизни нашего молодого искусства вопрос — вопрос о... „принципиальном“ сочувствии и полнейшем фактическом равнодушии к нему со стороны нашей общественности и государственных учреждений. Конечно, и Институт Ленина и клуб текстильщиков „заказов“ Вхутеину не давали, — речь идет лишь о заданиях, согласованных факультетской комиссией, скажем, с культкомиссией клуба, но беда в том, что эти культкомиссии почти не интересуются дальнейшей судьбой подобных заданий — их выполнением. Так, в прошлом году отличные барельефы дипломника Листопада — „1905 год“ и „Октябрьская революция“, за которые он получил заграничную командировку и которые были сделаны применительно к библиотечной стене Ленинского института остались... в том же Вхутеине.

Может быть, дело здесь вообще в дороговизне. Едва ли студенты монументального отделения Вхутеина предлагали в прошлом году бесплатно расписать фресками стены одного из клубов: требовалось лишь несколько сот рублей на материал; клуб испугался расходов, а в то же время потратил те же несколько сот рублей на временные декоративные украшения, которые, „обслужив“ ту или иную „кампанию“, выбрасываются. Или вот — разве МКХ не вступило уже на путь поддержания скульптуры, поставив, например, в бассейне Кудринской площади крохотного, совсем не соответствующего масштабам этого бассейна мраморного „пионера“, к тому же мало скульптурного по своей форме. Подобного рода случайные украшения города должны, наконец, уступить место украшению плановому, художественно более ответственному и ориентирующемуся на поощрение наших действительно молодых сил. Возводятся несколько десятков рабочих клубов, — надо не на словах только, а на деле привлечь к оформлению их нашу художественную молодежь. Открылся Парк культуры и отдыха, — такое широкое поле для работы нашей скульптуры открылось вместе с ним, и, однако, до сих пор еще вопрос об этом „открыт“.¹

Между тем, поддержка „со стороны“ — совершенно необходимое условие нормального роста советского художественного молодняка. Все упомянутые девять скульпторов-дипломников, имея лишь вхутеиновские крохи на наем модели, принуждены были работать для диплома почти без натур, в самых неблагоприятных условиях, что, конечно, не могло не ущемить и качества их работы.

Все это с особенной яркостью бросается в глаза на живописном факультете. В этом году он выпустил всего четырнадцать человек вместо... 84 (да и то среди этих выпускников можно отметить лишь Тамару Гавадзе, с несомненным декоративным дарованием, и Пахорскую, давшую гармоничную по колориту „Пекарню“). Факт тревожный, над которым следует призадуматься. Дело тут не только в вине самих студентов (так, в этом году впервые применено жесткое, но похвальное правило: не допускать к дипломной работе не сдавших теоретических предметов), но и все в той же хронической „беде“: негде было готовиться к выпуску, так как мастерские Вхутеина летом ремонтировались, и не на что

¹ Речь идет не о громадных группах и статуях, какие ставились временно к открытию с.-х. выставки, а хотя бы о садовой скульптуре, которая могла бы чрезвычайно украсить этот парк и позволила бы поставить ударение не на размере, а на качестве работы. Именно с подобным предложением и обратилось в МКХ общество русских скульпторов. Следовало бы вообще вносить в строительные сметы (при постройке общественных зданий, устройстве парков и проч.) определенный процент на скульптуру.

было писать с натуры, так как на наем модели для 80 человек были отпущены микроскопические средства.

Совершенно ясно, что дальнейшее развитие нашей станковой и монументальной живописи не может протекать у нас без хотя бы минимальной материальной базы, и что только связь Вхутеина с советской общественностью и государственными учреждениями может дать эту базу. Правда, предполагается, что в порядке академических заданий студентам удастся работать по росписи клуба текстильщиков, Покровских казарм и некоторых помещений Парка культуры и отдыха, что в ближайшем будущем ВСНХ каждому из производственных факультетов Вхутеина (архитектурному, дерево-и металлообделочному, скульптурному и др.) будут даны задания применительно к пятилетнему плану развития промышленности, — но все это пока что в области академических разговоров.

От них то пора наконец, перейти к делу и действительно увязать наше изо-искусство с общественностью, с бытом, с конкретными потребностями городской и клубной жизни. Пора во всей серьезности поставить вопрос не только о „поддержании“ нашего художественного вуза, но и об использовании, о применении к жизни созревающих в нем народных сил.

Весьма свежее впечатление производят декорационно-театральное и монументальное отделения живописного факультета. В первом под руководством И. М. Рабиновича кипит увлекательная работа. Мы находим здесь не только интересные студенческие макеты к „Макбету“ и „Горе от ума“, но и работы по выработке моделей разборных клубных сцен, карнавальные маски, проекты праздничного оформления стен, зданий и площадей и, наконец, детально разработанных революционных шествий в городе и деревне. Здесь взята совершенно правильная линия на выход театра в жизнь, на массовое „действие“, при чем, в противоположность прежнему „левым“ и конструктивно сухим попыткам оформления празднеств, здесь учтено большое эмоциональное значение живописного начала, цветового разнообразия.

Большой шаг вперед бросается в глаза в работе монументального отделения (руководимого П. Кузнецовым, Истоминым, Чернышевым, Фаворским и др.). Серьезная методичность занятий, строгость и ритм композиции, все большее овладение техникой стенописи (многие работы выполнены аль-фреско на самой стене) и, наконец, насыщенность революционным содержанием — все это радующие качества. Портреты Маркса и Ленина, сцена усмирений 1905 года, Октябрьская революция на фронте, труд косарей и штукатур-

ров и т. д. — таков круг сюжетов, над которым работают „монументалисты“, к стати сказать, на 70 проц. комсомольцы. Эта установка на роспись общественных зданий — явление в жизни Вхутеина чрезвычайно значительное. Правда, до сих пор еще раздаются голоса против восстановления „устаревшей“ фресковой живописи на советской стене. Разве плакаты и кино-экран не современнее? Но протестанты ошибаются (так же, как они ошиблись и в своем прогнозе о судьбах станковой картины). Неуместны претензии на вечность, вполне достаточно длительного существования .пользуемых художниками общественных зданий. Молодые монументалисты поступают вполне революционно, когда используют недавно открытые ими на берегу древнего Ферапонтова монастыря минеральные краски смиренных древних иконописцев и, „ничтоже сумняшеся“, применяют эти святые ферапонтовские камешки к . . . самым светским и актуальным сюжетам.

В области производственных работ Вхутеина отличное впечатление производит полиграфический факультет, готовящий не „чистых графиков“, а художников, вооруженных технологическими знаниями. Достоинством литографского отделения является работа по автолитографии (непосредственно на камне) и общая культура рисунка, недостаток же его — излишняя ограниченность красочной гаммы (особенно досадная в плакате, вообще недостаточно броском и слишком сложном). Отлично поставлена работа по всем видам офорта. Наилучший же участок факультета — это гравюра на дереве и линолеуме, давшая в стенах Вхутеина уже ряд превосходных достижений (как хотя бы громадные доски Шпинеля и Аксельрода: „1905 год“ и „Смычка“, а также работы Падалицына и других), небезынтересны, хотя почему-то очень малочисленны, работы по оформлению книги.

Текстильный факультет не очень удовлетворяет своей орнаментикой для ткацких и набивных тканей — здесь какой-то „супрематический“ штамп и мало свежих исканий.

Зато на дерево- и металлообрабатывающем факультете, задачи которого — подготовка художников-инженеров, специалистов по оборудованию жилищ, замечается определенный прогресс. Еще не так давно факультет этот пробавлялся лишь конструктивными моделями „универсально“ складных кроватей, диванов Родченко . . . применительно к недавней нашей бедности. Теперь он ориентируется на возросшие потребности советского общественного быта. Правда, и сейчас мы видим еще не совсем практические попытки „универсально“ — комбинированных вещей вроде лампы-пепельницы и стола-дивана, но на ряду с этим перед нами и нечто более значительное. Неплохие, на западно-европейский лад, образцы конторской

мебели, модели оформления клубного и театрального зала и эстрады, а также оборудования пароходных кают. Последнее — уже по заданию Совторгфлота.

Большим достижением всех производственных факультетов Вхутеина вообще является эта все более крепнущая его связь с производством — путем как практики студентов на предприятиях, так и выполнения заданий различных трестов (фарфоровой, текстильной и др. фабрик). Знаменательно, что, идя навстречу новому, подготовляемому Вхутеином кадру художников, союз текстильщиков ввел даже в нормальный тариф ряд новых должностей, как-то — заведующих художественной частью и мастеров-рисовальщиков на фабриках.

Однако, этот контакт Вхутеина с нашей промышленностью носит еще далеко не планомерный характер, и многие из наших хозяйственников еще не учитывают всего крупного культурного значения внедрения искусства в производство, а через него в быт. Конечно, тормозом является здесь и сама экономика нашего времени. Но идея „смычки“ искусства с жизнью — один из крупнейших заветов Октября, и наш художественный вуз должен ориентироваться не на сегодняшний, а на завтрашний день, когда выросшее социалистическое строительство потребует и нового бытового оформления. Вот почему необходимо всемерно укреплять работу производственных факультетов, усиливать их оборудование и, главное, вместо теперешней раздробленности этой работы во Вхутеине объединить ее в единое русло планомерных поисков нового общественно-бытового оформления.